

до конца преданной любви, но не достигшей своей цели»; «Хазан — название осеннего ветра, губящего всю растительность; резкий, холодный ветер, неожиданно дующий, вызывающий заморозки; обычное сравнение для внезапно обрушивающейся на головы людей беды, гибели». Иногда комментарии выходят за пределы пояснения национальной лексики и относятся к поэтическим приемам, содержащим в переводе русское слово, но использованное в тексте в соответствии с национально-художественной традицией, ср.: «Мотыльки — обычное уподобление влюбленным»; в литературе туркмен и некоторых других народов Востока мотылек влюбляется в огонек от лампы и, крутясь вокруг него, в нем же сгорает».

В произведениях современных писателей лексика национальных языков в функции национально-поэтической символики обычно не комментируется. В русском тексте тюркоязычные слова в огромном большинстве случаев используются в качестве номинаций реалий — это касается и слов, издавна усвоенных русским языком, и слов периферийных по отношению к системе русского языка. Толкования данной лексики почти идентичны лексикографическим дефинициям, например: *айран* — кислое снятое молоко, *бай* — богатый человек знатного происхождения, *джайлоо* — летнее горное пастбище, *курджун* — переметная сумка и т. д. [13]. Такие определения большей частью выносятся за пределы художественного текста и, подобно подстрочным ссылкам, не являются способом семантизации в пределах того «речевого акта», который представлен текстом. В тексте национально-культурная специфика лексики обнаруживается иногда в границах устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок. В качестве иллюстрации остановимся на слове *папах*, дефиниции которого в толковых словарях современного русского языка не содержат указания на его территориально-национальную принадлежность, ср.: «Папах. — Высокая меховая шапка» [14, с. 433]. В четырехтомном «Словаре русского языка» дана также форма, свойственная кумыкскому и азербайджанскому языкам — *папах* [15]. Интересно, что эта форма приводится В. Далем как возможная в русском языке XIX в. и сопровождается следующей дефиницией: «Папах *кавк.* круглая шапка, высокая или плоская, с самым косматым бараньим околышем» [16]. Лексикографические свидетельства показывают, что в процессе усвоения русским языком рассматриваемое слово не только претерпело грамматическую трансформацию, но и изменило свое содержание в заимствующем (русском) языке, стало номинацией иного предмета, не вполне идентичного национальной реалии.

Традиционные представления, связанные с этим, казалось бы, стилистически нейтральным словом, раскрываются в художественном тексте, который маркирует слово в определенном сочетании. Приведем примеры из повести дагестанского писателя А. Абу-Бакара «В ту ночь, готовясь умирать...»: «Рабият не хотела пускать постояльца мужчину, она боялась злых языков. Зато Хартум радовался, что в доме будет еще один *носящий папаху*»; «— Вы только на учителя поглядите, как он бережет ее! Даже по воду ходит — слыханное ли это дело, чтобы *носящий папаху* ходил по воду?»; «Родная Милайсат, прости меня, если я был с тобой в чем-нибудь груб... Честное слово, не такой уж я мальчишка, а все старался быть похожим на других, ты же знаешь, таким *носящим папаху*, мужчиной, горцем, мол, жена должна знать свое место у очага...». В контекстах отражены три речевые ситуации, три вида (типа) речи: первый контекст формально может быть отнесен к авторской речи, но в ориентации на персонаж; второй контекст представляет собой прямую речь персонажа; третий — отрывок из письма. Во всех трех случаях отмечается устойчивое субстантивированное сочетание *носящий папаху*, содержание которого в третьем примере уточняется постпозиционными существительными, своего рода пояснениями — «мужчиной, горцем».